

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Война после победы / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243663-5

Июнь 1945 года. В Кенигсберге при загадочных обстоятельствах погибает полковник СМЕРШ Крымов, сумевший добыть уникальный архив, содержащий компромат на нацистов, а также на некоторых советских генералов и партийных работников, сотрудничавших с немцами. После гибели Крымова документы исчезли. Группе Максима Шелестова поручено в кратчайший срок разыскать пропавший архив. Если он попадет к союзникам, под угрозой шантажа окажутся члены Политбюро и ведущие специалисты наркоматов. Шелестов выясняет, что перед смертью полковник успел отдать чемодан с документами надежному человеку. Оперативники организуют поиски связника, понимая, что погоня за компроматом превращается в жесткую схватку с невидимым врагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2026
ISBN 978-5-04-243663-5 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Полковник Крымов медленно вел машину по улицам Кенигсберга. Торопиться не хотелось — нужно было подумать, почувствовать понять. Война окончена, но время — удивительная субстанция: здесь, в развалинах Кенигсберга, оно словно раздвоилось. Отгремели залпы штурма, но война еще не стала историей — она застыла в остекленевших провалах окон, в запахе гари, въевшемся в кирпичную пыль, в воронках на мостовых, наполненных дождевой водой, отражающей бледное балтийское небо. Это был город-призрак, город-фантом, замерший на пороге между гибелью и неизвестностью.

Тот, кто помнил Кенигсберг довоенный — солидный, чопорный, с красными черепичными крышами и готическими шпилями, уходящими в облака, — теперь с трудом узнавал эти места. Перед глазами представал совершенно иной пейзаж. Почти девяносто процентов

исторической застройки превратились в руины. Улицы, еще сохранившие свои старые названия на табличках, напоминали каменные реки с обвалившимися берегами. Вдоль них стояли не дома, а декорации к трагедии: фасады с пустыми глазницами окон, за которыми зияла пустота; здания, разрезанные бомбами, словно гигантским ножом, обнажавшим комнаты с уцелевшими обоями и печами на верхних этажах.

В центре города, над морем щебня, возвышался остов Королевского замка. Его мощные стены, помнившие тевтонских рыцарей и прусских королей, были иссечены осколками. От былого величия остался лишь скелет, над которым все еще возвышалась одна из башен, но и та была обречена. Перед замком, словно символ поверженной гордости, стояла статуя «железного канцлера» Бисмарка. Он все еще смотрел куда-то вдаль застывшим каменным взором, но на его щеке зияла рваная дыра от пули.

Однако полковник СМЕРШа Дмитрий Михайлович Крымов не чувствовал Кенигсберга июня 1945 года мертвым городом. Скорее, тот находился в летаргическом сне, и жизнь теплилась в нем, как огонь под пеплом. Вдоль магистралей, кое-как расчищенных от завалов, двигались странные процессии: навстречу друг другу шли две эпохи. На запад, под конвоем, брели

колонны пленных немецких солдат — вчерашних защитников «крепости», с потухшими взглядами, в пыльных мундирах, на восток, обгоняя их, ехали грузовики с советскими офицерами, везли первые партии трофейного имущества, спешили по делам комендатуры.

Но были и другие. Среди развалин, как тени, бродили оставшиеся жители — почти исключительно женщины, старики и дети. Те, кого Геббельс убеждал в величии рейха, теперь, согнувшись, разбирали завалы или подметали очищенные от щебня участки улиц. Их лица, серые от пыли и горя, хранили печать обреченности. Они боялись поднять глаза на новых хозяев города, но в них уже не было ненависти — только тупая усталость и страх за завтрашний день.

В руинах Кнайпхофа, на острове между рукавами Прегеля, стоял израненный Кафедральный собор. Снаряды сбили его острые шпили, кровля провалилась внутрь, но стены чудом устояли. Тишина здесь была особенная — здесь покоился прах Канта, и сама история, казалось, оплакивала гибель города, взрастившего великого философа. Ветер шелестел страницами книг, разбросанных среди камней бывшего университета «Альбертина». Философские труды, диссертации, фолианты, копившие знания столетиями, теперь гнили под дождем, превра-

щаясь в грязь. И все это еще предстояло восстанавливать, защищать, пытаться сберечь, сохранить память — не только материальную, но и душу города.

А ведь была и третья сторона жизни, о которой знали, скорее всего, только люди в погонах. Оставались в городе те, кто не принял новых хозяев, кто готов был продолжать сражаться, убивать исподтишка ночью ножами, пистолетными выстрелами, закладывать взрывчатки, отравлять водопроводы. Фанатики из «Вервольф», националисты, глубоко законспирированные агенты СД и гестапо. И если думать об этом, то сразу июньский воздух начинал казаться тяжелым, наполненным сладковатым запахом тления, шедшего из-под развалин, едкого известкового дыма и сырости близкой Балтики. Сквозь эту вонь иногда пробивался терпкий аромат сирени, которая чудом уцелела в чьем-то палисаднике и теперь буйно цвела, не замечая войны. Этот контраст нежной жизни и каменной смерти был особенно разителен.

Звуки тоже были особенными. Звонкая тишина, прерываемая лишь карканьем воронья да стуком капель, падающих с обломков. Редкий гул армейского «Студебеккера», пробирающегося по руинам. Или стук кирки и лопаты — это команды пленных и местных жителей начина-

ли медленную, каторжную работу по превращению хаоса в расчищенную площадку. На окраинах, где разрушения были не столь тотальны, — в районах вилл и особняков Амалиенау или Ратсхофа, — жизнь теплилась чуть заметнее. Там в уцелевших домиках с черепичными крышами ютились немецкие семьи, а в лучшие из них уже вселялись советские офицеры, начиная обустраивать быт и рассматривая фотографии в чужих альбомах.

Кенигсберг июня 1945 года был городом на изломе. Это был уже не форпост германства, но еще и не новый советский город, самый западный в стране. Это было чистое поле, усеянное обломками великой культуры, место, где история сделала крутой поворот. Город напоминал раненого зверя, который затаился в ожидании — то ли смерти, то ли исцеления. И над всем этим хаосом разрушения стояло удивительно светлое, почти мирное июньское солнце, равнодушно освещая будущее, которому только предстояло вырасти из этих камней.

Дмитрий Крымов вышел из машины, привычным движением, сунув пальцы под ремень, расправил гимнастерку, одернул ее сзади и задумчиво посмотрел на видневшуюся за деревьями кирху памяти королевы Луизы. После развалин других частей города удивительно было ви-

деть, что район Амалиенау за время боев почти не пострадал. Особняки в зелени деревьев все также радовали глаз и наполнили грудь воздухом, как и до войны. Заложив руки за спину, Крымов неторопливо шел по тенистой улице, глядя на особняки. Тот, который ему нужен, где-то здесь, с краю.

Вот он — черепичная сложная крыша, два балкончика с резными перилами, углубленный в фасад вход и два крыла так называемого двойного особняка. Забор уцелел почти полностью, а вот кованую калитку спасти не удалось. Крымов остановился у временной, сбитой из досок, калитки и посмотрел на окна. Особняк фон Гросс-Винзен, в котором в годы войны располагалась резиденция обергруппенфюрера СС фон Грейфенберга. После эвакуации ведомства Грейфенберга особняк обшарили вдоль и поперек, даже с миноискателями. Но Крымову все же казалось, что немцы не могли успеть вывезти все. Он допросил десятки свидетелей среди пленных, тех, кто имел отношение к обслуживанию особняка при немцах, кто был свидетелем панического бегства нацистов. Да и когда передовые подразделения вошли в эту часть города, Крымов вместе с солдатами первым делом пробрался сюда. Разруха была страшная: множество бумаг валялось просто на полу, папки,

документы, вскрытые сейфы и разбитые столы. Но никто не видел личного архива обергруппенфюрера, а в нем самого ценного — списка агентуры не только здесь, в Кенигсберге, не только в Восточной Пруссии...

Крымов перелопатил множество материалов. Он хорошо знал, что в состав структуры безопасности нацистской Германии, которая существовала в Германии с 1936 года, кроме уголовной, входила и политическая полиция, поэтому полиция безопасности всегда была тесно связана с СД разведывательной службой СС. Более того, фон Грейфенберг был выходцем из СД. И когда в сентябре 1939 года полиция безопасности и СД были объединены в Главное управление имперской безопасности (РСХА), Грейфенберг уже официально продолжил заниматься разведкой с территории Восточной Пруссии. Сведений, что немцы успели эвакуировать архив, Крымов так и не получил. Зато он получил информацию, что особняком кто-то интересовался, какое-то неустановленное лицо. Использовать здание под детский приют, в котором будут содержаться дети, предложила комендатура, пока власти занимаются розыском их родителей. Других предложений не поступало. И в настоящее время внутри особняка активно шли ремонтные работы. А может, он

здесь, этот тайник? Других объяснений в голову не приходило.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — крикнул полковник, открывая калитку и входя в замусоренный строительными материалами двор.

Где-то в доме закашлялся человек, а потом открылась входная дверь, и на пороге появился немолодой мужчина в накинутом на плечи солдатском ватнике. Он строго посмотрел на гостя, но быстро узнал в этом военном старого знакомого.

— А, это вы, Дмитрий Михайлович! Давненько не виделись. Все служба покоя не дает?

— Да такая уж она у меня, — усмехнулся Крымов, — беспокойная. Даже когда пушки не стреляют. А ты-то как, Аким? Все охраняешь?

— Я старый партизан, у меня ухо остро, — рассмеялся старик. — Только охранять тут не от кого: ни воров, ни фашистов. Тех, понятное дело, прогнали, а энтих... Воры, они, Дмитрий Михайлович, как туберкулез: он здоровое тело любит, а воры любят здоровое общество. Тут ведь и красть нечего. А когда нечего красть, то откуда ж вора́м взяться...

Крымов улыбнулся, но не стал комментировать эту философию. Уж он-то хорошо знал, какие грабежи были в голодное время и с чем приходилось сталкиваться милиции в блокад-

ном Ленинграде, поэтому сразу перевел разговор на другую тему:

— А что у тебя так тихо сегодня, Аким?

— Воскресенье же, — напомнил сторож. — Когда война была, ни дней недели, ни праздников советских не считали. Да и церковных тоже. У станков спали и ели. А коли мир наступил, то передых рабочему человеку надо хоть немного дать, а то надорвется человек. Ведь, почитай, четыре года...

Сзади вдруг хлопнула калитка, и Крымов обернулся. Немолодой, грузный мужчина в спецовке и кепке, сдвинутой на затылок, приветливо поднял руку, идя к полковнику. Прораб Зотов, который вел этот объект, был человеком дотошным, как и все строители. Даже в выходной Ивану Матвеевичу не сиделось дома — все что-то надо обдумать, да проверить, да наметить уже сегодня, чтобы с понедельника рабочие уже получили следующее задание.

— Здорово, Матвеич, — полковник пожал руку прорабу. — Хотел вот еще пройтись по твоему объекту, пока рабочих нет. Не будешь возражать?

Зотов только рассмеялся. Запретить, да еще офицеру СМЕРШа... А вообще-то, прораб прекрасно понимал ситуацию. Только отгремела война, территория совсем недавно освобождена

от фашистов. Тут не только СМЕРШ, тут в любой момент можно даже саперов увидеть. Если нужно такому человеку, значит, есть на то причина. И долг каждого советского человека, помогать армии и органам.

Прораб походил по зданию, что-то там измерял, записывал себе в толстую тетрадь, разворачивал чертежи. Крымов был неподалеку и, по большому счету, лишь ждал, когда Зотов уйдет. Схемы и чертежи полковнику были не нужны. Он за эти дни выучил их так, что мог с закрытыми глазами показать, где проходят коммуникации, где капитальные несущие стены, а где внутренние перегородки. Да и секретность вопроса требовала, чтобы до поры до времени никто не знал, что полковник Крымов все еще что-то ищет здесь.

Перед уходом Зотов снова пошел к Крымову и окинул взглядом ободранные стены, разобранные полы, неопрятные дверные проемы. Прораб по-своему оценил визит офицера СМЕРШа.

— Понимаю, красиво было, со вкусом. Мастера делали, архитекторы строили. Есть о чем сожалеть, но не наша вина, что все вот так. Будь спокоен, Дмитрий Михайлович, восстановим, будет тут опять красиво, и детишкам будет тут хорошо.

«Детишки, архитекторы, — подумал про себя Крымов, когда, наконец, остался один, — если бы дело было только в этом. Это для них война кончилась, а не для нас». И полковник пошел методично обходить помещение за помещением. По агентурным данным, не весь архив был вывезен. Хватали и вывозили второстепенные документы. Об этом можно судить по тому, что погрузкой занимались простые солдаты. Человек, близкий к руководству, сообщал, что никаких тайных, ночных и секретных грузов отсюда не вывозили. Не успели — это было очевидно. Бронированная машина и охрана из пяти офицеров СД погибли во время артналета неподалеку отсюда. Среди них был и заместитель фон Грейфенберга.

«Итак, — снова начал рассуждать Дмитрий Михайлович, — тайник». Вариант первый — он мог быть хорошо оборудованным для длительного использования, для постоянного хранения документов. В этом случае он должен был располагаться в кабинете обергруппенфюрера. Или в смежной комнате, секретной, куда имел доступ только хозяин. Но такой комнаты не было. Толщину стен в районе кабинета вымерили до сантиметра, и никаких пустых пространств между ними не нашлось. Им не было там места. Подобную комнату для хранения особо секрет-

ного архива никто не додумался бы делать в другой части здания. Глупо — это уже не секретность. Остается секретный сейф, пусть даже ниша в стене, между стенами, которую оборудовали специально для хранения этого архива или... использовали только в последний момент, чтобы его спрятать. Спрятать, потому что группа эвакуации так и не прибыла, а передовые подразделения советской армии были уже в городе.

Этот архив был со сведениями, с информацией по особо ценным агентам полиции безопасности, а потом и СД. Там и довоенная агентура, которая была законсервирована или активно работала. И если архив не вывезли, то за ним начнут охотиться, его попытаются вывезти любой ценой. Поэтому времени у Крымова на поиски было очень мало. Итак, личный архив, основные сведения не по всей, а по особо ценной агентуре именно на территории СССР. Каков он по объему? Да не больше саквояжа или небольшого чемодана. Он должен был храниться только в кабинете, в других помещениях столь ценные сведения Грейфенберг держать не стал бы. Нет здесь бронированной комнаты, похожей на банковское хранилище. Но должен быть тайник. Удобный и всегда под рукой.

Крымов вошел в кабинет обергруппенфюрера и осмотрелся. Он был здесь уже раза три. Они

с оперативниками простукивали стены, полы и даже потолки. Никаких пустот. Стол сдвигали и под ним искали тайник, даже тяжелый засыпной сейф двигали ломami. Кстати, немцы сейф оставили открытым, забрав все важное и ценное. Но все же чемоданчик должен быть — оперативная информация точная и перекрестно проверенная.

Полковник обвел взглядом кабинет. Старинный стол, несколько стульев какого-то известного мебельного мастера, занавески на окнах, большой сейф и камин. Вот и все. И искать больше негде.

Камин. Крымов подошел к нему, посмотрел на пепел, на остатки плохо подметенной золы и сажу на кирпичах. Ну, в каминах архивы не прячут. Там температура такая, что... И тут взгляд оперативника упал на заднюю стенку камина. Когда его в последний раз разжигали? Ну-ка, ну-ка... разжигали? Не подвел опытный взгляд полковника. Кирпичи задней стенки, швы в кладке... Но почему-то черная сажа в швах на горизонтальной поверхности. А если на каждый шов внимательно посмотреть снизу или фонариком посветить... Копоть обычно снизу поднимается, и дым должен снизу идти и оседать ровно на все поверхности, а здесь... Сажу совком, что ли, на стенку набрасывали?